

— Кан Хёндо, пожалуйста,пусти меня... — умолял я его, но он лишь крепче сжимал мою рубашку. По щекам мальчика текли слёзы. Он был в отчаянии и, казалось, мог сорваться в любой момент. Чувствуя тревогу, я произнёс первое, что пришло в голову:

— Обниму тебя снова, когда мы закончим обследование. Просто дай мне немного времени.

Между нами повисла тяжёлая тишина.

— Обещаю, что не уйду, — сказал я дрожащим голосом.

— Не уйдёшь? — переспросил он резко.

— Нет...

Только тогда Хёндо отпустил меня. Его хватка ослабла, но неохотно. Когда он направился в смотровой кабинет, его усталые глаза смотрели на меня с молчаливой мольбой о поддержке. Несмотря на своё смятение, он проявлял удивительное терпение и непоколебимую выдержку даже перед лицом всепоглощающей неопределённости. Вскоре после этого было подтверждено, что Хёндо в прошлом страдал астмой. И это пролило свет на первопричину его расстройства. Результаты обследования показали чёткую картину: острая пневмония. Врач, внимательно изучив рентгеновские снимки, с облегчением и осторожностью поставил диагноз.

— Острая пневмония. К счастью, мы заметили болезнь на ранней стадии, так что существенных осложнений не произошло. Тебе повезло.

Только когда температура подскочила до сорока градусов, до всех дошла серьёзность ситуации. Несмотря на первоначальный ошибочный диагноз, своевременное лечение спасло Хёндо от самых тяжёлых последствий пневмонии.

— Ты меня услышал? Уволь их всех, — сказал я Мунчжону, который тихо стоял у меня за спиной.

— Да, — последовал непоколебимый ответ.

Оставив Мунчжона позади, я направился в палату Хёндо. Роскошная мебель в vip-номере казалась неуместной в стерильной обстановке больничной палаты. Хёндо спокойно лежал под капельницей. После своей героической борьбы он, наконец, потерял сознание.

Острая пневмония... Как я мог забыть об этом?

У Кан Хёндо с детства была астма. Он почти справился с ней благодаря лечению, но однажды случился тяжёлый приступ. Это произошло примерно в это время года. Именно тогда Кан

Хёндо начал проявлять привязанность к моей матери, а я этого не заметил. Тот случай чуть не испортил свадьбу и медовый месяц. Это было важный момент в романе, но я совершенно забыл об этом, пока у Хёндо не диагностировали острую пневмонию. Сейчас мы успешно преодолели этот кризис, но не было гарантии, что такие инциденты не повторятся. Я посмотрел на Хёндо и вспомнил, как он искал утешения в заботе моей матери. Раздражало то, что Хёндо может привязаться к ней. Если я не хотел этого видеть, мне нужно было отвлечь брата от матери.

Хотя это и досадно...

Хёндо пошевелился, его веки дрогнули, и я воспользовался моментом, чтобы положить ладонь ему на лоб. Температура была немного повышенной, но уже заметно снизилась.

— Отдыхай, — сказал я.

Хёндо, казалось, успокоился и снова погрузился в сон. Я вышел из комнаты, оставив его одного. В коридоре меня ждал Мунчжон, который молча следовал за мной. Мы вместе дошли до выхода из больницы, и я спросил:

— Ты что-то хотел сказать?

Мужчина, не колеблясь, задал вопрос:

— Как вы узнали?

— Как я мог не заметить твоё любопытство?

— Острая пневмония может протекать без симптомов, и у молодого мастера именно такой случай. Но откуда вы могли знать? — В его голосе звучало недоверие.

Для него это было непостижимо. Человек, не имеющий никакого положения, бродяга, угрожавший положению молодого мастера, заметил острую пневмонию, которую даже дворецкий, ухаживавший за ребёнком, не смог обнаружить. Однако этот момент также вызвал у меня удивление. Как это могло остаться незамеченным? Было очевидно, что ребёнок нездоров.

Симпатии к противникам я не испытывал. Уволить неприятную секретаршу было для меня несложным делом. В конце концов, это был удобный повод. Я не стал действовать так, как это сделал бы Ю Хвай, потому что не хотел следовать по его пути. Лучше устранить то, что вызывает у меня раздражение. Это была единственная причина, и Мунчжон должен был это понять. Я больше не использовал формальную речь в общении с ним.

— На что ты намекаешь? Что я...

— Нет-нет, я не это имел в виду. Я просто хотел спросить, как вы узнали то, чего не заметил

даже врач... — искренне ответил Мунчжон.

— Просто поверил своим глазам, в то время как ты доверился этому шарлатану. Дело не в том, что я заметил. Это ты не увидел. Вместо того чтобы внимательно следить за каждым моим действием, почему бы тебе не признать свою неосведомлённость? — Резко возразил я.

Мунчжон не стал оправдываться, услышав мои слова. На лице мужчины появилось выражение, которое говорило, что он всё ещё не может прийти в себя от удивления. Не обращая внимания на присутствие Мунчжона, я утолил жажду напитком из ближайшего торгового автомата и быстро направился обратно в больничную палату Хёндю. Я волновался, что брат мог проснуться в моё отсутствие. К счастью, мальчик мирно спал. Подойдя ближе, я внимательно посмотрел на него.

Он сильно похудел.

И без того маленькое лицо казалось ещё более изнурённым, как будто могло исчезнуть совсем. Я почувствовал, что нужно помочь ему восстановить силы до возвращения матери из свадебного путешествия. В стремлении найти методы для укрепления здоровья брата, я склонился над кроватью, и в этот момент Хёндю неожиданно схватил меня за одежду.

Он проснулся?

Нет, его глаза были сомкнуты, а тело оставалось неподвижным. Вероятно, он всё ещё спал. Его хватка, должно быть, была инстинктивной... Но я не мог избавиться от ощущения, что это может оказаться сложнее, чем я думал.

И, как обычно, мои опасения подтвердились.

* * *

Когда Хёндю пришёл в себя через двое суток и был выписан на третий день, я стал его сиделкой. Я следил за тем, чтобы он получал достаточно питательных веществ для восстановления. В течение четырёх дней я тщательно контролировал его диету, чтобы ускорить выздоровление. В рационе было много жиров и белков. Но, к сожалению, вес Хёндю не увеличивался так быстро, как я надеялся.

Когда я зашёл в комнату, мальчик сидел у окна с книгой в руках. Я приблизился, держа в руках пирог с кремом, и аккуратно поднёс кусочек ко рту брата. Хёндю посмотрел на меня, не колеблясь, открыл рот и принял угощение. Наблюдая, как двигаются его щёки, я представлял, как всё изменится, как эти щёки станут более пухлыми, а тело приобретёт восхитительную округлость.

«Почему он не набирает вес?»

Несмотря на некоторые улучшения после тяжёлой болезни — острой пневмонии — вес Хёндо упорно не превышал определённого уровня.

«Всё это напрасно», — в отчаянии подумал я. Осознав тщетность своих усилий, я перестал приносить Хёндо снеки. Поскольку возвращение моей матери было неизбежно, я решил прекратить суетиться вокруг него. Однако, когда закончились угощения, поведение Хёндо изменилось. Вместо того чтобы смириться, он начал настойчиво искать меня, следя за каждым моим шагом. Несколько раз я пытался ускользнуть от брата, но его сверхъестественная способность находить меня была поразительной.

Однажды, когда я шёл по коридору, за моей спиной послышались тихие шаги. Это определённо был Кан Хёндо. Ускорившись, я заметил, что шаги стали более частыми, а дыхание — тяжёлым. Я резко остановился и тяжело вздохнул.

В тот момент, когда я остановился, Хёндо налетел на меня сзади, чуть не сбив с ног. И я едва успел ухватить его за руки, чтобы сохранить равновесие. Он посмотрел на меня так, как часто делал, когда передавал мне снеки: в его взгляде читалась немая просьба или ожидание. Я избегал его, потому что это вызывало беспокойство. И вот сегодня снова столкнулся с братом лицом к лицу.

— Что? — Не смог сдержаться я.

Но прошли три дня, а он всё ещё был непреклонен. Даже когда я пытался отдохнуть в ванной, присутствие Хёндо снаружи сильно пугало меня. В конце концов, я больше не мог терпеть его настойчивость и уже был готов сделать замечание, как Хёндо поднял на меня глаза с выражением, которое, казалось, умоляло о чём-то.

— Почему? — Спросил я, желая выслушать его, прежде чем высказывать претензии.

— Пожалуйста, обними меня, — взмолился Хёндо.

Я едва не усомнился в том, что правильно расслышал.

— Что? — пробормотал я, застигнутый врасплох его неожиданной просьбой.

Это было не то, что я ожидал услышать. Но Хёндо, почувствовав моё недоверие, повторил свою просьбу более решительно.

— А почему я должен это делать? — Я настаивал на объяснении, стремясь внести ясность в эту ситуацию.

— Ты обещал, — бесстыдно настаивал Хёндо.

Мысли разлетелись в разные направления, пока меня не посетило озарение. Это было спонтанное обещание, которое я дал, когда Хёндо отказался от обследования.

«Я продолжу обнимать тебя!»

Кто бы мог подумать, что он запомнит мои слова. Оказалось, что его настойчивость и страстные взгляды были вызваны желанием получить утешение. Его растущая привязанность ко мне, а не к матери, совпадала с моими намерениями. Всё шло по плану, но...

Теперь, когда дело дошло до этого, я чувствовал себя более обременённым, чем ожидал. Когда я помог ему и ухаживал за ним во время болезни, идея сдержать обещание и оставить брата рядом показалась мне слишком тяжёлой. Должен ли я просто проигнорировать это?

Однако, если я не отвечу на призыв Хёндо, он, вероятно, начнёт докучать матери как назойливое насекомое. Одна лишь мысль об этом заставила меня протянуть ему руку. Хёндо без колебаний потянулся ко мне, и я поднял его. Брат был лёгким как пёрышко.

«Когда же он, наконец, вырастет?» — размышлял я, испытывая смешанные чувства досады и удивления. Если Хёндо вырастет до ста девяноста сантиметров, я вряд ли смогу его поднять. Но он всё ещё был здесь, ростом с маленького щенка.

<http://bllate.org/book/12990/1143865>